В. П. КАШКАДАМОВ

Из воспоминаний о работе в Институте экспериментальной медицины (1894—1897 гг.)

В 1894 г. в сентябре месяце я приехал в Петербург с определенной целью найти возможность попасть в физиологическую лабораторию И. П. Павлова, чтобы под его руководством выпустить приличную в научном отношении работу в качестве диссертации на степень доктора медицины.

В первый же день приезда я пришел в лабораторию и от присутствовавших работников получил весьма печальные вести, что все свободные места заняты и Иван Петрович не примет меня. Как это ни казалось мне убедительным, я все же решил выяснить этот вопрос с самим Павловым и стал дожидаться его прихода. Время быстро пролетело, и минут через 30—40 появился И. П. Павлов. Я обратился к нему с просьбой принять меня в свою лабораторию. Он пригласил меня в кабинет, и тут произошел между нами очень любопытный разговор, который ярко обрисовывал личность И. П. Павлова.

«Вы служите?» — спросил он. «Нет». «Вы женаты?» — «Нет». — «Вы чем-нибудь связаны во времени?» — «Нет, я совершенно свободен». — «Вы ограничиваете срок вашей работы?» — «Нет, я могу отдать работе столько времени, сколько потребуется, 1—2 года, меня ничто не торопит. Меня интересует научная сторона дела. Я желаю этому научиться у вас, так как служба как таковая меня не тянет к себе».

Он на это ответил:

«Вот это хорошо. Я как раз в таких людях нуждаюсь. Я принимаю вас в свою лабораторию. Имеете ли вы квартиру?» — «Нет, у меня нет знакомых». — «Хорошо, я сейчас же узнаю, есть ли в нашем общежитии свободная комната, и, если возможно, немедленно вас устрою. Вы сегодня же занимайте комнату».

Иван Петрович пошел узнавать. Оказалось, что имеется комната, и в тот же день я переехал в Институт. Итак, в один день мне удалось разрешить два вопроса: найти место работы и место жительства. Но этим Иван Петрович не ограничил своих забот о моем положении. Он поинтересовался моими финансами. Я объяснил ему, что средства у меня скромные, и я был бы не прочь при его содействии получить ту же поддержку, какую имел в Москве, т.е. получать от Медицинского департамента ежемесячно по 40 руб. в качестве сверхштатного медицинского чиновника. И. П. Павлов обратился с ходатайством в Медицинский департамент о прикомандировании меня к Институту, и я, таким образом, был обеспечен до конца своей работы в нем. Моя обязанность заключалась в том, что я по первому требованию Медицинского департамента обязан был ехать для борьбы с эпидемиями.

Таким образом, я устроился в Институте и мог приступить к работе. Для этого необходимо было выбрать тему. Иван Петрович предложил мне сначала присмотреться к тому, что делается в лаборатории, и, хотя в 1894 г. число работающих у И. П. Павлова было значительное, я через некоторое время уже ясно представлял, какие вопросы разрабатываются в лаборатории.

Не успел я решить вопрос о выборе темы, как в октябре 1894 г. Медицинский департамент предложил мне командировку в г. Уральск для борьбы с эпидемией дифтерита. Здесь я пробыл до мая 1895 г.

С осени того же года возобновилась моя работа у Ивана Петровича. Он дал мне тему по физиологии слюнных желез, которая была связана с вырезыванием их и последующим физиолого-химическим анализом на содержание азота.

Вся операционная часть лежала на Иване Петровиче, а химическая — на мне. Нужно было изучить химическую методику, ознакомиться с литературой. Опыты делались сериями из 10 собак; таких серий (до начала мая 1896 г.) я провел 6. Эта тема отняла у меня не менее 8 месяцев и стоила жизни 60 собакам. Тут произошло событие, которое заставило Ивана Петровича и меня бросить эту тему и взяться за другую, совершенно новую, с новой методикой и с новыми животными — лягушками.

Среди всех месяцев года в Военно-медицинской академии май отличался обилием диссертаций. Немалая часть их относилась к физиологии и физиологической химии, по которым неизменно выступал оппонентом И. П. Павлов. Каждый раз после защиты диссертации он приходил в Институт и делился с нами своими впечатлениями по поводу самих работ и их результатов.

Профессором физиологической химии был А. Я. Данилевский. Между ним и Иваном Петровичем не раз происходили во время защиты диссертаций различные столкновения. В один из майских дней выступил из лаборатории А. Я. Данилевского Д. И. Кураев с диссертацией на тему «О белковом состоянии мышц покойных и деятельных». В этой работе Д. И. Кураев коснулся очень важного вопроса: за счет чего протекает работа мышечной ткани? Несовершенство методики повело к неправильным расчетам и выводам. Получилось впечатление, что в работе мышц участвуют белки. Вся отрицательная методическая сторона так сильно задела физиолога Ивана Петровича Павлова и показалась ему с научной точки зрения недопустимой настолько, что он, считая себя правым, решил немедленно проверить свои взгляды, и чем скорее, тем лучше. Приблизительно в таком смысле он изложил перед нами свои соображения. Он очень заинтересовался этой темой, очень горячо и заманчиво рисовал перед нами перспективы. Сначала он обратился ко всем с опросом, кто желает взять данную тему? Молчание. Тогда он обратился ко мне с этим предложением как наиболее свободному по времени и обещал всяческое содействие. Я подумал о своей почти наполовину проделанной работе и сравнил ее с новой. Как ни жаль было бросать ее, я все же учел, что новая тема представляется более важной по своей научной значимости и обещает более скорые результаты. В конечном итоге, думал я, она обогатит мой физиологический опыт. Я согласился и немедленно приступил к подготовке всего необходимого для специальных опытов над мышцами лягушек. Не буду здесь останавливаться на этой работе, так как все это было описано в моей диссертации.

Для доказательства основных положений, выдвинутых темой, пришлось провести 20 серий опытов, каждая из которых состояла из 10 групп по 6 лягушек. Таким образом, для каждой серии потребовалось 60 лягушек, а всего — 1200.

Здесь для меня появилась возможность ознакомиться с методом раздражения нервов электрическим током (санный аппарат), вырезывания икроножных мышц из обеих ножек и последующим химическим анализом мышц на их вес, плотный остаток, содержание углеводов и белков.

Иван Петрович и я горячо взялись за работу, а когда я в достаточной степени усвоил методику, то дальнейшие опыты ставил и проводил самостоятельно, докладывая ему периодически результаты.

Одновременно с этим я знакомился с литературой, по преимуществу немецкой. Уже в первые месяцы 1897 г. начали обрисо-

ваться выводы, вполне подтверждающие ранее высказанные И. П. Павловым взгляды.

В марте все опыты были закончены, обработаны, составлены таблицы, диссертация написана, просмотрена, отпечатана в нужном числе экземпляров (500) и представлена к защите в Военно-медицинскую академию. После официального одобрения был назначен и срок защиты. С большим нетерпением Иван Петрович и я ждали этого дня, а после защиты мы чувствовали себя победителями.

Конечно, было бы смелостью считать, что этот вопрос был окончательно решен моей работой; он был настолько сложным, что требовал постановки новых комбинаций опытов, и все же можно признать, что эта работа уточнила вопрос об израсходовании безазотистых веществ при мышечной работе.

Защитой диссертации закончилось время моего пребывания в Институте экспериментальной медицины, и моя жизнь пошла по иному руслу. Моя связь с Институтом слабела, интересы увлекали меня далеко в сторону от лаборатории Ивана Петровича Павлова, тем не менее память о моей работе под руководством И. П. Павлова осталась у меня на всю жизнь. Могу смело сказать, что Иван Петрович вызвал во мне такой глубокий интерес к физиологии, который в значительной степени способствовал правильному подходу при решении тех или иных вопросов общей гигиены (гигиены питания, гигиены умственного труда и др.).

За трехлетний период работы у Ивана Петровича для меня выявился целый ряд особенностей его личности, с одной стороны, как научного руководителя, с другой — как научного работника.

Прежде всего нужно отметить, что И. П. Павлов предоставлял широкую свободу каждому работающему в пополнении своих знаний, в изучении методики, но требовал от каждого добросовестного и честного отношения к своей работе. Он приучал нас относиться ко всяким неудачам терпеливо и всегда помнить, что мы учимся на неудачах и что плохо тому, у кого все идет благополучно.

Не менее одного раза в неделю он беседовал с каждым из нас и старался, чтобы в таких беседах принимали участие все работники. Благодаря этому мы всегда были в курсе тех работ, которые проводились в лаборатории. Все факты подвергались всестороннему обсуждению и самой строгой критике. Если обнаруживалась малейшая небрежность, невнимательное отношение к работе, поспешное заключение, Иван Петрович набрасы-

вался на виновного и делал ему замечание в резкой форме. Такая резкость, в особенности в первое время, задевала меня, и я реагировал на нее весьма болезненно. Потом, когда я убедился, что гнев у Ивана Петровича через четверть часа совершенно остывает и он забывает обо всем, обращаясь с виноватым по-старому, я стал относиться к этому гораздо спокойнее.

Иван Петрович вел очень регулярную, размеренную жизнь, распределяя всю работу по дням и часам. Почти всегда он был бодрым, оживленным, всегда был чем-нибудь увлечен, но при этом легко сознавался в своих ошибках и отказывался от недостаточно обоснованных выводов.

В 1897 г. появилась книга И. П. Павлова «Лекции о работе главных пищеварительных желез», в которой были изложены в систематической форме результаты работ, проведенных в его лаборатории 21 учеником за период с 1888 по 1896 г. Он удостоил меня чести преподнесением своей книги с надписью.

Всех нас Иван Петрович привлек к участию в качестве членов в Общество врачей, любителей физических упражнений. Мы собирались по вечерам во вторник в гимнастическом зале при Адмиралтействе и здесь усердно занимались гимнастикой под руководством опытного специалиста. Несмотря на свои 45—46 лет, Иван Петрович считался одним из первых гимнастов нашей группы (в которой было не менее 30 человек). Лето он проводил всегда вне города и при этом всецело отдавался отдыху, понимая под этим прогулки, купанье и различные игры, из которых более всего любил городки. Осенью он возвращался к работе вполне свежим и отдавал ей достаточно времени.

В моей памяти сохранился чистый во всех отношениях образ ученого, который всю свою жизнь стремился к отысканию новых научных истин. Он сделал очень много в науке и стал одним из лучших мировых ученых.

<1937>